

УДК 329.273

DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-360-379

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ШОТЛАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ

М. В. ГРАБЕВНИК

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Грабевник М. В. Европейский фактор динамики политической субъектности Шотландской национальной партии // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Том 10, № 3. С. 360–379. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-360-379.

Введение: исследуется европейский фактор динамики политической субъектности Шотландской национальной партии (ШНП) посредством анализа партийной повестки и стратегий партийного и институционального взаимодействия в 1990–2010–е годы.

Цель: определение влияния европейского фактора на обретение и дальнейшую динамику политической субъектности ШНП, а также моделей институционального взаимодействия ШНП и Европейского Союза (ЕС).

Методы: синтез акторного подхода и теории установления повестки дня. Исследование проведено на основе контент-анализа программных документов и публичных заявлений, а также анализа стратегии взаимодействия ШНП с акторами Великобритании и ЕС.

Результаты: выявлено политико-символическое и институциональное значение европейского фактора в приобретении и динамике политической субъектности ШНП. Определены этапы динамики политической субъектности ШНП и сформулированы модели институционального взаимодействия ШНП и ЕС.

Выводы: политика ШНП в отношении ЕС балансирует между двумя крайностями: поддержка ЕС vs евро-скептицизм. С одной стороны, партия пытается адаптивно реагировать на региональную политику ЕС, с другой стороны, использует ЕС как политико-символический инструмент в развитии собственной политической субъектности. Взаимоотношения ШНП и ЕС претерпевают значительные изменения, что подчеркивается выделенными гибкими моделями и «правилами» политико-административной игры.

Ключевые слова: политическая субъектность; политическая повестка; деволюционные процессы; партийная политика; Шотландская национальная партия; Европейский Союз; политический процесс современной Великобритании

ВВЕДЕНИЕ

Деволуционные процессы в Великобритании имеют длительную и богатую историю. Наиболее характерный кейс представляет шотландский регион. Одной из главных причин деволуционных процессов в Шотландии стало развитие регионализма в Европе. В середине XX века Европейский Союз (ЕС) предпринимает попытку развития и поддержки европейских регионов, которые рассматриваются как возможные «союзники», нейтрализующие позиции национальных государств. Регионы становятся субъектами международной политики, что обуславливает усиление их влияния внутри национальных государств. Артикулируя свою политическую самобытность и идентичность, Шотландия в последней четверти XX века все больше стала оказывать давление на Вестминстер, особенно посредством манифестаций, направленных на расширение политических, институциональных и административных прав Шотландии. В условиях долгосрочного противоборства центра и периферии Великобритании ЕС становится катализатором роста национального шотландского самосознания и осознания шотландцами собственной весомой роли внутри Великобритании, как в политических, так и в социально-экономических аспектах.

Таким образом, принято считать, что региональная политика ЕС довольно серьезно повлияла на развитие регионов не только Великобритании, но и Бельгии, Германии, Испании и др.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Большинство исследований, посвященных проблемам деволуции и регионализма в современной Европе, обращают внимание на экономическое и социальное влияние ЕС на регионы в 1990–2000-е годы (Бусыгина, 2007; Clements, 2011), в ряду которых находится и Шотландия. Ее развитие на современном этапе связано с балансом разнонаправленных стратегий европейских, национальных и региональных политических сил. Во-первых, речь идет о процессах европейской интеграции и направленной на поддержание развития регионов политике ЕС. Во-вторых, Великобритания, как национальное государство, выступала в качестве субъекта шотландской деволуции, принимая решения об институционализации механизмов power-sharing (Вавилина и Панов, 2013; Лейпхарт, 1997; Панов, 2014). Наконец, сам шотландский регион, главным ориентиром политического развития которого в 1980–1990-е годы была деволуция, а в последние годы – независимость, обретает политическую субъектность.

Политическая субъектность в данной статье понимается как «участие в принятии решений по поводу статуса автономии» (Панов, 2017, с. 62). Динамичный характер понятия субъектности обусловлен, с одной стороны, институциональным статусом политического субъекта, включающего «объем делегированных полномочий и качество его реализации», и, с другой стороны, стратегиями и механизмами его взаимодействия с другими политическими акторами внутри Великобритании и ЕС. Проблема политической

субъектности, т.е. обретения механизмов, ресурсов и площадок собственного политико-административного влияния в целях достижения и расширения статуса институциональной автономии, является ключевой для развития британских регионов и современной Великобритании.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Необходимо четко разделять политическую субъектность Шотландии и политическую субъектность акторов и институтов, функционирующих в регионе. В обоих случаях, и в случае с регионом, и в случае с институтами, мы вправе говорить о борьбе за политическую субъектность. Субъектность региона и субъектность регионального актора могут «смешиваться» и развиваться согласованно, поскольку политическая субъектность региона требует институциональных возможностей и агентов ее реализации. Но также политические субъектности могут вступать в противоречие, когда акторы и институты пренебрегают предпочтениями и требованиями региона ради приобретения собственной политической субъектности. Данная статья концентрируется на рассмотрении кейса политической субъектности актора – Шотландской национальной партии (ШНП), которая, с одной стороны, артикулирует интересы регионального сообщества, но преимущественно осуществляет борьбу за собственную [институциональную] политическую субъектность.

Несмотря на длительную историю деволюционных процессов в Шотландии и активное участие в них ШНП, обретение политической субъектности последней начинается только в 1970-х годах. Это обусловлено, прежде всего, тем, что именно 1970-е годы становятся для ШНП наиболее успешными в электоральном и политико-институциональном смысле. Так, партия впервые получила место в Палате общин на выборах 1970 года, а затем на выборах 1974 года уже 11 мест, появляются локальные и региональные представительства. Шотландская национальная партия в 1970-е годы обретает политико-институциональные механизмы для борьбы за собственную политическую [институциональную] субъектность, активно используя как символические методы, так и методы прямой коммуникации с крупными политическими акторами как национального, так и супранационального уровней.

Ключевыми индикаторами политической субъектности в таком случае являются институциональные возможности участия в процессе принятия решений по поводу статуса институциональной автономии, а также качества реализации такого статуса. На современном этапе ШНП реализует потенциал собственной политической субъектности через формирование повестки и выстраивание стратегии политико-институциональной коммуникации. Она приобретает и реализует собственную политическую субъектность посредством двух классов методов – институциональных (выстраивание стратегий взаимодействия) и символических (формирование повестки). В таких условиях конструируемая и воспроизводимая партией политическая повестка предстает в качестве «зеркала» политической

субъектности, в котором отражены статус и потенциал ее институциональной автономии, а также ресурсы и стратегии. Встраивание «европейского вопроса» в повестку ШНП имеет политико-символическое значение и долгие годы является основным механизмом лоббирования требования политической субъектности партии. Ключевой вопрос данной статьи: в какой мере европейский фактор сопряжен с обретением и динамикой политической субъектности ШНП?

Европейский фактор и борьба за политическую субъектность

После первых выборов в Европарламент 1979 года ШНП придерживалась скептических взглядов в отношении европейской интеграции. Европейский Союз расценивался шотландскими националистами как супранациональная политическая сила, которая лишь усилит позиции Вестминстера в диалоге «центр-регион», а интересы шотландских акторов будут проигнорированы. Шотландская национальная партия также скептически относилась к членству в ЕС. На референдуме 1975 года, который был назначен лейбористским правительством, в вопросе «Должна ли Великобритания быть в составе ЕС?» шотландские националисты (наряду с североирландскими политическими силами) решительно состояли в оппозиции к Англии и Уэльсу (58,4 % голосов «за» в Шотландии в противовес среднему по Великобритании 67,2 %) (Keating and Waters, 1985). Такая позиция была обусловлена не столько отношением к Европе, сколько отношением к национальному центру (Lynch, 1996). Шотландская национальная партия занимала вполне понятную позицию, временами проявляя крайний скептицизм к ЕС, исходя из опасений, что интеграция может угрожать цели независимости Шотландии (Lynch, 1996).

Во второй половине 1980-х годов ситуация изменилась. Шотландская национальная партия смягчила отношение к ЕС, имея в виду перспективу вступления в него в качестве равноправного члена, следствием чего стало принятие в 1988 году партийной политики «Независимость в Европе». Такой политический курс означал, что главный политический ориентир ШНП – обретение независимости шотландского региона – будет сопряжен с получением регионом статуса полноправного члена ЕС, с непосредственным доступом к единому европейскому рынку и участием ШНП в принятии политико-административных решений на супранациональном уровне. Сомнения в реализации подобного политического курса присутствовали и со стороны региональных, и со стороны национальных политических сил. Тем не менее ШНП прагматично разыграла эту карту на парламентских выборах, вполнину повысив процент электоральной поддержки (14 % в 1987 году против 21,5 % в 1992 году) (McGarvey, 2008). Проевропейская позиция ШНП способствовала включению в политическую повестку европейского элемента, который стал политико-символическим аргументом в пользу борьбы за политическую субъектность.

Принцип субсидиарности, провозглашенный на Маастрихтском саммите, положил начало административным противоречиям и предвещал только спорные расширения прав и возможностей регионов. Великобритания, обеспеченная таким положением, была намерена обеспечить ситуацию, в которой принцип субсидиарности касался не только разграничения компетенций между государствами-членами и ЕС, но также в отношении конкретных областей политики, с чем согласились и остальные члены союза (Burch et al, 2005). Такая стратегия оказалась успешной, как и попытка правительства предотвратить автоматическую передачу полномочий на региональный уровень. В результате процедура принятия решений на региональных уровнях в ЕС была, по меньшей мере, эфемерной.

С новым региональным акцентом Ж. Делора на социальную интеграцию (1988 год) и принятием принципа субсидиарности Маастрихтским договором (1992 год) ШНП стала относиться к Европе прагматичнее. Лейбористское правительство 1990-х годов упрочило позитивную связь между институциональными изменениями в Шотландии и развитием «Европы регионов»: «расширенная демократическая Европа регионов сможет связать децентрализованные/делегированные экономические и демократические структуры на национальном и региональном уровнях» (Herburn, 2008, p. 542). Принцип субсидиарности рассматривался как жизненно важный аспект не только для развивающейся автономии Шотландии, но и для развития субъектности ШНП (Jeffery, 2000). Поддержка «Европы регионов» со стороны партии продемонстрировала Вестминстеру, что ШНП может обладать значительным политическим влиянием без использования стратегии сепаратизма. Однако, как отмечает Е. Хэпберн, наряду с позитивным отношением шотландских националистов к экономической выгоде от ЕС отмечался открытый скепсис в отношении политической и социальной интеграции в рамках единой Европы (Herburn, 2008).

Создание Комитета регионов в 1994 году дало надежду, что региональные правительства будут не только иметь право голоса в ЕС, но также и влиять на политический процесс, а другие институциональные структуры ЕС будут реагировать на мнения комитета (Oliver, 2015). Такой европейский институт представительства должен был показать, что решения могут приниматься на самом низком административном уровне в ЕС, но на деле данный орган скорее был похож на экономический и социальный комитет при ЕС исключительно совещательного и консультативного характера. Тем не менее его формирование было весьма значительным, потому что этнорегиональные европейские партии, в т.ч. и ШНП, были впервые за долгое время официально включены в европейский политический процесс.

В данном контексте в 1980–1990-х годах позиция ШНП сместилась от скептицизма по отношению к ЕС к утилитарному и прагматичному отношению (Dardanelli, 2003). Борьба за политическую субъектность ШНП сопряжена с подобным процессом в отношении региона Шотландии, поскольку партия выступала доминирующим региональным агентом, а цели сторон (региона и партийного института) зачастую совпадали. Политическую программу ШНП 1992 года отличает перспективный

взгляд на отношения с ЕС: «...независимость в Европе: сделай это сейчас... это единственная политика, которая приведет Шотландию к стабильности»¹. Расстановка политических сил вплоть до 1999 года характеризовалось асимметричностью, в пользу Вестминстера. Приобретение политической субъектности ШНП происходит параллельно (и взаимозависимо) с институциональной регионализацией Шотландии. Институциональным итогом деволюционных процессов 1990-х годов стало появление регионального парламента, который позволил расширить полномочия как на национальном уровне, так и международной арене.

Европейский фактор приобретения политической субъектности Шотландской национальной партии

Деволюционные процессы конца 1990-х годов существенно повлияли на отношения ШНП с ЕС, поскольку она получила возможность представлять интересы региона как через британские институты, так и непосредственно, а значит, «ее голос становился сильнее, громче и отчетливее, чем это было до 1999 года» (Tatham, 2007, p. 217). С момента установления региональных органов власти в 1999 году ШНП несколько меняет риторику относительно Европы и ЕС – шотландские националисты принимают «более суверенные и автономные позиции, нежели позиция «независимости в Европе» (Herburn, 2006, p. 231).

Политическая субъектность ШНП с появлением парламента серьезно возросла благодаря расширенным институциональным возможностям и появлению новых каналов коммуникации. Однако появление регионального парламента в Шотландии не повысило субъектной роли региона в европейском политическом процессе, поскольку отношения с ЕС, как и прежде, оставались в исключительном ведении Вестминстера. Одним из немногочисленных каналов влияния Шотландии стала неоднозначная трактовка компетенций шотландских региональных властей в отношении ЕС, указанных в Акте о Шотландии. Так, экономическое развитие, сельское хозяйство и рыболовство были переданы в компетенцию Шотландии (Brancati, 2008; Wright, 1998). И в каждой из этих отраслей шотландский регион мог координировать действия напрямую с ЕС в обход национального правительства Великобритании. Доклад независимого Консультационного координационного совета по шотландской деволюции 1998 года дает основания полагать, что полномочия в отношении ЕС могли бы быть более широкими. Вестминстер, предполагая потенциал политической субъектности ШНП на европейском уровне, ограничил полномочия возможностью действовать только в рамках, продиктованных национальной политикой в отношении ЕС.

В то же время политическая субъектность ШНП возрастает, поскольку шотландские националисты начинают выдвигать собственные властные пар-

¹ *Independence in Europe: Make It Happen Now! The 1992 Manifesto of the Scottish National Party*. Edinburgh: Scottish National Party, 1992. P. 3.

тийные интересы в качестве приоритетных, тогда как требования шотландского региона выступают в инструментальном ключе. Так, чтобы сохранить власть и институциональные полномочия, ШНП может «приглушить» субъектность региона; партия может даже вступать в противоречие с субъектностью региона. И, наоборот, ШНП, реализуя собственные властные интересы (иметь власть), проявляет собственную институциональную субъектность. Субъектности института ШНП и региона Шотландии начинают обособляться и приобретают различные аспекты динамики.

С появлением регионального парламента ШНП получила институциональные возможности для лоббирования партийных интересов, для формулирования и воспроизводства повестки и выстраивания стратегии, что, несомненно, положительно сказалось на политической субъектности партии. С тех пор главная политическая партия Шотландии, избавляясь от статуса сугубо этнорегиональной силы, выстраивает гибкую и адаптивную политику в отношении национального и супранационального уровней. Например, посредством отказа от намерения Вестминстера принять европейскую валюту и следования обязательству частичного (*semi-detached*) членства в ЕС, разработанного Великобританией². В ответ лейбористское правительство вступает в переговоры относительно административной и политической преференциальной политики (Dardanelli and Mitchell, 2014). Адаптивное изменение повестки ШНП в отношении Европы и ЕС происходит в ответ на эволюцию общественного мнения³. Несмотря на то, что партия стремилась подчеркнуть линию, отличную от сугубо английского «евроскептицизма», общественное мнение шотландцев было значительно «мягче» повестки партии в отношении Европы. В таких условиях ШНП была вынуждена предложить более «мягкую» повестку (Dardanelli and Mitchell, 2014).

В манифесте 2003 года ШНП выступает с открытой поддержкой ЕС. «Независимость в Европе – это путь к представительству, который мы заслуживаем. Благодаря независимости, наши Министры будут заседать во главе Европы, борясь за наилучшие для Шотландии решения... мы поддерживаем Европейский Союз как конфедерацию национальных государств»⁴. Кроме того, в первой половине 2000-х годов в региональной повестке ШНП подчеркивается, что создание регионального парламента в Шотландии и процессы регионализации в Европе являются частями единого процесса, конституционного континуума. Так, ШНП полагает, что институционализация «парламента является важной частью процесса независимости; и процесс этот завершится только независимостью в рамках Европейского Союза»⁵. Только

² *Scotland's Future*. The 1974 Manifesto of the Scottish National Party. Edinburgh: Scottish National Party, 1974. P. 7.

³ *What Scotland Thinks* [Электронный ресурс]. URL: <http://whatscotlandthinks.org/questions/what-should-be-britains-long-term-policy-on-the-european-union#line> (дата обращения: 15.03.2018).

⁴ *The Complete Case for a Better Scotland*. Edinburgh: Scottish National Party, 2003. P. 24.

⁵ *Enterprise, Compassion, Democracy*. Edinburgh: Scottish National Party, 1999. P. 10.

в рамках политического курса ЕС «Шотландия сможет двигаться от девальвации к полному членству в Европейском Союзе»⁶.

Однако позднее в повестку ШНП вернулось более критическое отношение к ЕС, что выразилось в угрозе бойкотировать проект Европейской конституции в 2005 году (Elias, 2008). В отличие от периода рубежа веков, когда региональная политика ЕС рассматривалась ШНП как утилитарная и полезная, в «нулевые» чувствуется зрелость окрепшей позиции шотландских националистов в отношении Европы и европейского фактора. Такая тенденция подкрепляется общественным мнением шотландцев, которые стали более враждебны к ЕС (хотя в Великобритании 2000-х годов Шотландия остается наименее подверженной евроскептицизму) (Park et al., 2001).

В дальнейшем роль европейского фактора как политико-символического ресурса ШНП хорошо иллюстрирует сравнение шотландского регионального политического курса с европейским политическим курсом в манифестах 2000-х годов, нежели с национальным политическим курсом, как это было в XX веке. Это касается и случаев, когда манифесты ШНП⁷ предлагают европейское обоснование для поддержки партийных предложений в области государственной политики на национальном уровне (Lynch, 2009).

Что касается второй половины 2000-х годов, то, несмотря на снижение общей значимости европейского элемента в программных документах шотландской партии, экономическое и социальное развитие в рамках ЕС остается одним из ключевых/повторяющихся нарративов в «нулевые», что подпитывается помощью европейских структурных фондов (Lynch, 2009). Например, в программе 2011 года ШНП намерена «продвигать программу развития национальных навыков для укрепления рабочей силы Шотландии, используя 64 млн фунтов из европейских структурных фондов»⁸.

В начале 2010-х годов остро встал вопрос о независимости Шотландии и отношениях с ЕС в данном контексте. Сможет ли шотландский регион стать государством-членом ЕС после обретения независимости? Для положительного ответа на этот вопрос ШНП видит необходимость внести поправки в статью 48 Договора о Европейском Союзе (Muscok, 2012). Предполагалось, что переговоры по данному вопросу должны быть проведены правительством Великобритании (от имени Шотландии) в течение переходного периода в полтора года с момента референдума 18 сентября 2014 года в случае его успешного итога. Сложность и иллюзорность перехода от европейского региона к государству-члену ЕС подкреплялись неясной позицией самого ЕС по отношению к будущему статусу Шотландии. Так, председатель Европейского Совета Х. Ван Ромпей высказал мнение, что Шотландия скорее должна будет воспользоваться статьей 49, которая предусматривает более долгосрочную и комплексную процедуру вступления в ЕС, нежели статьей 48⁹. Тем не менее

⁶ Ibidem.

⁷ *The Complete Case for a Better Scotland...*

⁸ *Re-Elect a Scottish Government Working for Scotland*. Edinburgh: Scottish National Party, 2011. P. 12.

⁹ *Scottish independence: Scots EU independence plan "now untenable"* [Электронный ресурс] // BBC UK. 2013. 13 дек. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-scotland-politics-25366706> (дата обращения: 10.03.2018).

итоги референдума о независимости Шотландии не дали оснований для переговоров о вступлении в ЕС на правах самостоятельного государства. Отчасти дискуссии вокруг иллюзорности и комплексности процесса обретения членства ЕС Шотландией повлияли на решение шотландцев (Mulle, 2016). Предостережения о том, что Шотландия может оказаться вне ЕС на долгое время, могут рассматриваться как факторы, снижающие поддержку независимости среди шотландского населения¹⁰. Официальную позицию в данном критическом для Шотландии кейсе выражала как раз ШНП.

Таким образом, можно сказать, что основное развитие политической субъектности ШНП пришлось на 2000–2010-е годы. В контексте электоральных успехов как на региональном (2007 год), так и национальном уровне (2015 год) партия приобретает достаточную политическую субъектность, чтобы стать, с одной стороны, главной властной структурой в регионе и, с другой стороны, третьей политической силой в Великобритании. Если в начале «нулевых» ШНП опирается на институциональные возможности и политико-символические ресурсы повестки, инструментально меняя отношение к политической субъектности региона, то с обретением достаточных властных полномочий на региональном уровне в конце 2000-х годов она получает право реализовывать собственную политическую субъектность на новом уровне, при этом обладая правом менять вектор политической субъектности (региональные желания, требования и преференции) Шотландии.

Динамика политической субъектности Шотландской национальной партии

Представленное выше описание дает основания говорить о динамичном балансе политических сил вокруг политической субъектности ШНП и прагматичном подходе к ее реализации. Сдвиги в европейской повестке ШНП и в отношении Шотландии к ЕС происходят благодаря адаптации политических предложений к текущей ситуации. Формулирование европейского элемента региональной повестки ШНП на первый взгляд представляет собой периодические колебания маятника от позиции «поддержка Европейского Союза» к позиции «евро-скептицизма». Между этими двумя крайностями находится гибкая политика партии по отношению к ЕС, в которой, с одной стороны, она пытается адаптивно реагировать на региональную политику ЕС, а с другой стороны, использовать ЕС как политико-символический инструмент в борьбе за достижение собственной политической субъектности. Несмотря на это, в эволюции европейского фактора в динамике политической субъектности ШНП, а также ее стратегии по отношению к ЕС можно выделить несколько периодов (таблица).

¹⁰ *Report on the Scottish Government's proposals for an independent Scotland: membership of the European Union / European and External Relations Committee 2nd Report, 2014 (Session 4).* Edinburgh: Scottish Parliament, 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.scot/S4_EuropeanandExternalRelationsCommittee/Reports/euR-14-02w-rev.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

**Динамика политической субъектности Шотландской национальной партии /
Dynamics of the Scottish National Party political subjectivity**

Этапы развития политической субъектности	Соотношение векторов политической субъектности ШНП и Шотландии	ШНП как агент политической субъектности Шотландии	Европейский фактор политической субъектности ШНП	Уровень политической субъектности ШНП
1	2	3	4	5
I этап (1980–1988 годы)	Векторы политической субъектности ШНП и Шотландии совпадают. Вектор развития политической субъектности Шотландии направляет вектор развития политической субъектности ШНП	ШНП выступает главным / единственным агентом политической субъектности Шотландии	Европейский фактор не используется как средство в борьбе за политическую субъектность ШНП	Низкий уровень политической субъектности ШНП
II этап (1989–1998 годы)	Векторы политической субъектности ШНП и Шотландии начинают не совпадать, но в противоречие не вступают	ШНП перестает быть единственным агентом политической субъектности Шотландии. Лейбористская партия (как в 1970-е годы) также выступает агентом политической субъектности Шотландии	Европейский фактор используется в процессе приобретения политической субъектности ШНП как политико-символический ресурс в институциональной борьбе с Вестминстером	Низкий уровень политической субъектности ШНП. Появление институциональных возможностей (регионального парламента)
III этап (1999–2000-е годы)	Обособление политической субъектности ШНП и Шотландии. Инструментальная роль [требований субъектности] Шотландии для политической субъектности ШНП	ШНП выступает агентом политической субъектности Шотландии инструментально и адаптивно потенциалу развития собственной политической субъектности	Сохранение европейского фактора в динамике политической субъектности ШНП как политико-символического ресурса. Проявление институциональной роли европейского фактора политической субъектности ШНП	Средний уровень политической субъектности ШНП. Доминирование на уровне Шотландии и формирование регионального правительства. Выход на национальный уровень

1	2	3	4	5
IV этап (2010-е годы)	Определение партией не только вектора политической субъектности ШНП, но и вектора Шотландии в целом. Инструментальная роль [требований субъектности] Шотландии для политической субъектности ШНП	ШНП выступает агентом политической субъектности Шотландии инструментально и адаптивно потенциалу развития собственной политической субъектности	Использование европейского фактора как институционального и политико-символического ресурса политической субъектности ШНП. Актуализация европейского фактора ради укрепления региональных позиций и деволюционного развития	Высокий уровень политической субъектности ШНП. Широкий спектр институциональной автономии. Политический вес на национальном уровне

Первый этап (1980–1988 годы). Векторы политической субъектности региона и партии совпадают, поскольку ШНП выступает главным агентом субъектности шотландского региона в период политического доминирования Консервативной партии. Позиция ШНП в отношении ЕС характеризуется националистическим скепсисом к европейскому проекту. Европейский фактор в региональной повестке ШНП не используется как средство достижения собственной субъектности. В 1979 году впервые были проведены выборы в Европейский парламент, после чего этнорегиональные партии стали более активно принимать участие в институтах ЕС, а регионы стали вынуждены конкурировать в рамках европейской повестки. В данный период конституционные и институциональные цели Шотландии не связаны с европейской интеграцией, поскольку регионы рассматривались преимущественно как получатели структурных фондов ЕС, нежели как активные политические акторы в европейском политическом процессе. Вместо площадки для институциональных преобразований или формирования региональной повестки, ЕС в глазах ШНП был отдаленной и неэффективной структурой, партийные и региональные требования направлялись в национальный центр. Националистическая партия Шотландии (выступающая агентом в борьбе не только за собственную субъектность, но еще и за субъектность региона) в таких условиях занимает антиевропейские позиции, добиваясь независимости «вне» регионализирующейся Европы.

Второй этап (1989–1998 годы). Шотландская национальная партия перестает быть единственным агентом политической субъектности Шотландии и начинает определять вектор развития собственной политической субъектности. Партия использует идею «Европы регионов» в целях достижения автономии в Европе и обретения политической субъектности, прежде всего на национальном уровне. С одной стороны, реформа экономической и социальной политики структурных фондов ЕС Ж. Делора и Маастрихтский договор

стали катализатором увеличения субъектной роли как национальных центров, так и регионов, получивших формальные институты для оформления и утверждения политической субъектности. С другой стороны, изменения региональной политики ЕС убедили многие этнорегиональные партии «смягчить» собственные требования автономии по отношению к национальному центру и принять участие в дискуссиях и обсуждениях. Векторы политической субъектности Шотландии как региона и ШНП как института начинают не совпадать, поскольку партия получает возможность обретения политической силы без прямого обращения к региональным требованиям.

Третий этап (1999–2000-е годы). Шотландская национальная партия осознает невозможность реализации «Европы регионов», обращаясь с институциональными требованиями автономии к национальному центру. «Европейский вопрос» региональной повестки ШНП используется как политико-символический ресурс в институциональной борьбе с Вестминстером. В таких условиях происходит разрыв векторов политической субъектности ШНП и Шотландии. Шотландская национальная партия выступает агентом субъектности шотландского региона адаптивно потенциалу развития собственной политической субъектности. Скептическая позиция в отношении ЕС вызвана в первую очередь неспособностью институтов представительства регионов в ЕС влиять на политический процесс. По мере того как формальные региональные институты ЕС истощали собственный потенциал, шотландские националисты, добивающиеся независимости, стали более решительными в противостоянии игнорированию шотландских требований со стороны Вестминстера и Брюсселя. Шотландская национальная партия, не отвергая преференций ЕС, концентрируется на институциональных преобразованиях внутри Великобритании, а европейскую повестку использует как политико-символический ресурс в борьбе с Вестминстером. В итоге ШНП, получившая широкие институциональные возможности, начинает выстраивать гибкую и адаптивную повестку в отношении европейского фактора, где значительный акцент делается на влиянии Европы на экономику Шотландии. До 2007 года ШНП проявляет решительную поддержку ЕС. Впоследствии очевидна более критическая позиция. Это связано с усилением влияния ЕС на национальные государства и изменением статуса Шотландии как региона. После 2007 года ШНП по-прежнему поддерживает независимость в ЕС и в то же время выносит на обсуждение собственные требования пересмотра административно-политического баланса между тремя уровнями управления.

Четвертый этап (2010-е годы). В контексте референдума о независимости Шотландии 2014 года и референдума о членстве Великобритании в ЕС 2016 года, ШНП актуализирует европейский фактор в региональной повестке ради укрепления региональных позиций и деволюционного развития. С обретением достаточных властных полномочий на региональном уровне в конце 2000-х годов ШНП получает право реализовывать собственную политическую субъектность на новом уровне, при этом обладая правом менять вектор политической субъектности (региональные желания, требования и преференции) Шотландии. После выборов 2007 года ШНП по-прежнему

поддерживает независимость в ЕС и в то же время выносит на обсуждение собственные требования политики распределения полномочий между тремя уровнями управления. В начале «десятих» ШНП продолжает использовать ЕС как политико-символический инструмент в борьбе с Вестминстером за субъектность, однако события середины 2010-х годов (референдумы 2014 года и 2016 года) послужили факторами возврата партии к стратегии поддержки ЕС. Неопределенность статуса Шотландии, – регион Великобритании или суверенное государство/член ЕС или вне ЕС – заставляет ШНП трансформировать повестку по отношению к ЕС, которая, впрочем, до сих пор не определена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Включение и коннотационное изменение европейского фактора в повестке ШНП обусловлено преимущественно ключевой целью – обретением политической субъектности. Этапы динамики политической субъектности ШНП, описанные выше, подчеркивают различия в субъектной роли ШНП в рамках деволюционных процессов. На первых этапах ШНП, приобретая политическую субъектность, обращается к актуализации европейской темы в целях действительной координации взаимодействия с ЕС. На более поздних этапах европейский фактор выступает как политико-символический ресурс для борьбы за автономию и даже сецессию с Вестминстером. В последние кризисные годы отношений ЕС и Великобритании Шотландия, в поисках динамического баланса, вновь обращается к Европе (и в повестке, и в стратегиях) в рамках политической коммуникации Эдинбурга, Лондона и Брюсселя.

На взаимодействие ШНП и ЕС влияют несколько блоков факторов. Во-первых, это политико-административный баланс субъектов и их стратегии взаимодействия в контексте обретения политической субъектности ШНП, обретения политической субъектности Шотландии как региона и деволюционного развития Шотландии в целом. Во-вторых, это экономические ресурсы и политика перераспределения экономических и финансовых полномочий, со стороны как национального, так и европейского уровня. В-третьих, институциональные возможности ЕС и институциональные ограничения Вестминстера для политической субъектности ШНП.

Первый блок факторов формирует условия партийного и правительственного консенсуса в Великобритании и стратегии взаимодействия ШНП и британских партий. В рамках данного блока велика роль формирования региональной повестки ШНП, дополненная в 2000–2010-е годы институциональными и электоральными достижениями. С оформлением региональных органов власти ШНП начинает все больше ощущать потенциал собственной политической субъектности, а потому активно включается в политический процесс как на национальном, так и на европейском уровне. Правила адаптации европейского фактора к требованиям политической субъектности ШНП в условиях политико-административного баланса сил:

– политика торго и стратегия «игры на опережение» национального и регионального уровней власти определяют динамичный баланс сил в отношении политической субъектности, что ведет к поступательному и конвенциональному процессу ее приобретения партией (напротив, жесткая и бескомпромиссная стратегия субъектов ведет к кризису политической субъектности и деволуционного развития);

– уровень евроскептицизма правящей партии обратно пропорционален уровню евроскептицизма этнорегиональной партии, не имеющей сильной политической субъектности;

– уровень евроскептицизма этнорегиональной партии, которая приобрела довольно сильную политическую субъектность, зависит от партийной стратегии взаимоотношений с ЕС.

В отношении *второго блока* факторов необходимо отметить, что экономический, ресурсный и финансовый статус Шотландии оказывает довольно сильное влияние на формирование стратегии ШНП по отношению к ЕС и европейскому фактору. Для партий, стремящихся к независимости в Европе, важно, чтобы их деволуционные проекты были экономически жизнеспособными. Открытие нефтяных месторождений в Северном море в 1970-х годах позволило экономически обосновать и поддержать требования автономии Шотландии, вследствие чего отмечаются первые электоральные успехи ШНП. И хотя это обоснование было скорее символическим, нежели реально достижимым в то время, ШНП получила огромный политико-символический капитал. Кроме того, нужно подчеркнуть, что европейскую стратегию ШНП также определяет борьба/конкурс за распределение структурных фондов ЕС (преимущественно в 1990–2000-е годы):

– экономический акцент на европейском элементе в повестке этнорегиональной партии зависит от политико-административного баланса, а также от распределения сил между регионами (в случае если в государстве более чем один стремящийся к автономии регион). Напротив, экономический акцент на европейском элементе в повестке этнорегиональной партии не зависит от действительного экономического потенциала региона (в случае «богатого» региона используется как символический ресурс) и остается равно используемым в повестке;

– имея экономическое обоснование собственных интересов, этнорегиональная партия, функционирующая в «богатом» регионе, может мобилизовать население вокруг деволуционной программы (включая возможность экономической деятельности на европейских и мировых рынках), не опасаясь потери экономической защиты государства;

– неопределенный экономический статус региона в экономической зоне ЕС служит импульсом к актуализации европейского фактора в повестке партии и, как следствие, к политико-управленческим решениям на уровне ЕС;

– в случае обретения Шотландией независимости ее неопределенный экономический статус в экономической зоне ЕС негативно скажется на политической субъектности ШНП, которая оформляет субъектность региона.

Что касается *третьего блока* факторов, то ШНП действует в рамках определенных структур как национального, так и супранационального уровней. Британские политические акторы имеют различный доступ к европейским институтам и организациям, что объясняется ограничениями национального уровня. Данный аспект хорошо прослеживается на примере Акта о Шотландии, когда была установлена региональная ассамблея. До этого ключевого события ШНП была вынуждена действовать только через Вестминстер. После обретения регионального парламента партия вносит собственный вклад в переговоры ЕС–Великобритания через межправительственные каналы и Совет министров. Такой дифференцированный доступ к европейским институтам и возможностям заставляет этнорегиональные партии реагировать на изменения и выстраивать гибкую стратегию взаимодействия на разных уровнях ради достижения намеченных партийных (и/или региональных) целей. Стратегия балансирования между национальным и супранациональным уровнями дала свои институциональные плоды. По мере обретения политической субъектности в рамках взаимоотношений с европейскими институтами и осознания их ограниченной эффективности ШНП вновь вернулась к традиционным каналам лоббирования собственных партийных (и/или региональных) интересов. Несколько универсальных правил/закономерностей:

- доверие к эффективности европейских институтов со стороны ШНП выполняет политико-символическую функцию (преимущественно в 1990-е годы);
- использование европейских институтов как площадок декларации региональной повестки на супранациональном уровне;
- использование европейских институтов в качестве манипуляторных политических механизмов;
- балансирование и выстраивание гибкой стратегии взаимодействия в рамках многоуровневого управления.

Библиографический список

Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / Под ред. П. В. Панова. М.: Полит. энцикл., 2017. 214 с.

Бусыгина И. М. Регионализация в странах Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе [Электронный ресурс] // Казанский федералист. 2007. № 1–2. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/> (дата обращения: 15.03.2018).

Вавилина Е. А., Панов П. В. Power-sharing как модель композиции власти в условиях этно-конфессиональной фрагментации [Электронный ресурс]: аналитический доклад. Пермь, 2013. 39 с. URL: <http://www.polit.psu.ru/site.files/Power-sharing.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. яз. Б. Макаренко. М.: Аспект Пресс, 1997. 288 с.

Панов П. В. Политизация этнической идентичности в современном мире: проблемы и институциональные решения // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 48–54.

- Brancati D.* The Origins and Strength of Regional Parties // *British Journal of Political Science*. 2008. Vol. 38, № 1. P. 135–159. DOI: 10.1017/S0007123408000070.
- British Social Attitudes: The 18th Report: Public Policy, Social Ties* / Ed. by A. Park, J. Curtice, K. Thomson, L. Jarvis, C. Bromley. London: Sage. 2001. 366 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781849208642>.
- Burch M., Gomez R., Hogwood P., Scott A.* Devolution, Change and European Union Policy-Making in the UK // *Regional Studies*. 2005. Vol. 39, № 4. P. 465–475. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343400500128515>.
- Clements B.* Understanding “Utilitarian” Support for European Integration in Scotland and Wales: the Role of Economic Interests, National Identity and Party Support // *Regional and Federal Studies*. 2011. Vol. 21, № 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2010.505042>.
- Dardanelli P.* Ideology and Rationality: The Europeanization of the Scottish National Party [Электронный ресурс] // 8th EUSA International Conference, Nashville, Tennessee, USA. March 27–29, 2003. URL: <http://aei.pitt.edu/529/> (дата обращения: 25.03.2018).
- Dardanelli P., Mitchell J.* An Independent Scotland? The Scottish National Party’s Bid for Independence and its Prospects // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2014. Vol. 49, № 3. P. 88–105. DOI: <https://doi.org/10.1080/03932729.2014.935996>.
- Elias A.* Minority Nationalist Parties and European Integration: A Comparative Study. London: Routledge, 2008. 208 p.
- Hepburn E.* Scottish Autonomy and European Integration: The Response of Scotland’s Political Parties // *European Integration and the Nationalities Question* / Ed. by J. McGarry, M. Keating. London: Routledge, 2006. P. 225–238.
- Hepburn E.* The Rise and Fall of a Europe of the Regions // *Regional and Federal Studies*. 2008. Vol. 18, № 5. P. 537–555. DOI: 10.1080/13597560802351572.
- Jeffery C.* Sub-National Mobilization and European Integration: Does it Make Any Difference? // *Journal of Common Market Studies*. 2000. Vol. 38, № 1. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00206>.
- Keating M., Waters N.* Scotland in the European Community // *Regions in the European Community* / Ed. by M. Keating, B. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 60–88.
- Lynch P.* From Social Democracy back to No Ideology? The Scottish National Party and Ideological Change in a Multi-level Electoral Setting // *Regional and Federal Studies*. 2009. Vol. 19, № 4–5. P. 619–637. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597560903310402>.
- Lynch P.* Minority Nationalism and European Integration. Cardiff: University of Wales Press, 1996. 230 p.
- McGarvey N.* Devolution in Scotland: Change and Continuity // *Devolution, Regionalism and Regional Development: The UK Experience* / Ed. by J. Bradbury, J. Mawson. London: Routledge, 2008. P. 25–44.
- Mulle E. D.* New Trends in Justifications for National Self-Determination: Evidence from Scotland and Flanders // *Ethnopolitics*. 2016. Vol. 15, № 2. P. 211–229. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1008786>.

Mycock A. SNP, Identity and Citizenship: Re-imagining State and Nation // *National Identities*. 2012. Vol. 14, № 1. P. 53–69. DOI: 10.1080/14608944.2012.657078.

Oliver T. Europe's British Question: The UK–EU Relationship in a Changing Europe and Multipolar World // *Global Society*. 2015. Vol. 29, № 3. P. 409–426. DOI: 10.1080/13600826.2015.1044425.

Tatham M. Scotland and the European Union: Has Devolution Changed Anything? Scottish EU Interest Representation – A Case Study // *Scotland and Europe, Scotland in Europe* / Ed. by G. Leydier. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 214–229.

Wright A. Scotland and the EU: A Case of Subsidiarity or Dependency? Unpublished Ph.D. Thesis, Dundee: University of Dundee, 1998.

Информация об авторе

Грабевник Михаил Владимирович – аспирант, ассистент кафедры политических наук ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-3321-7519

ResearcherID: G-5572-2018

Электронный адрес: m.grabevnik@gmail.com

Статья получена 28 апреля 2018 года

UDC 329.273

DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-360-379

THE EUROPEAN FACTOR IN POLITICAL SUBJECTIVITY DYNAMICS OF THE SCOTTISH NATIONAL PARTY

Mikhail V. Grabevnik

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-3321-7519

ResearcherID: G-5572-2018

E-mail: m.grabevnik@gmail.com

For citation:

Grabevnik, M. V. (2018), “The European Factor in Political Subjectivity Dynamics of the Scottish National Party”, *Ars Administrandi*, vol. 10, no. 3, pp. 360–379, doi: 10.17072/2218-9173-2018-3-360-379.

Introduction. The article presents the research on the European factor in political subjectivity dynamics of the Scottish National Party (the SNP) through the analysis of the SNP political agenda and the SNP strategy of institutional interactions during 1990–2010.

Aims. The aim of the article is to identify the significance and impact of the European factor for gaining and developing political subjectivity of. In addition, the article is to shape the models of institutional interactions between the SNP and the EU.

Methods. The methodology is based on the synthesis of the actor approach and the theory of political agenda-setting. The main methods are content analysis and strategy analysis of the SNP, British actors and the EU within their institutional interactions.

Results. The European factor has a political, symbolic and institutional significance for dynamics of the SNP political subjectivity. Stages in the SNP political subjectivity dynamics and the models of institutional interactions between the SNP and the EU have been identified.

Conclusion. Adaptive and flexible policy of the SNP regarding the EU is balancing from “Support of the EU” to “Eurocepticism”. On the one hand, the SNP is trying to react adaptively to the EU regional policy. On the other hand, the party is seeking to use the EU as a political and symbolic tool for developing political subjectivity of the SNP. Flexible models and “frames” (or rules) of political institutional game show a complex and controversial nature of interactions between the SNP and the EU.

Keywords: political subjectivity; political agenda; devolution processes; party politics; the Scottish National Party; the European Union; current political processes in the UK; regional and supranational levels of governance

References

Panov, P. V. (ed.) (2017), *Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regionalnye avtonomii, tselostnost gosudarstva i prava etnicheskikh menshinstv* [Balancing the claims: ethnic regional autonomies, state integrity and rights of ethnic minorities], Political encyclopedia, Moscow, Russia.

Busygina, I. M. (2007), “Regionalisation in the European countries: Great Britain and France in the comparative perspective”, *Kazanskii federalist*, no. 1–2 [Online], available at: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/> (Accessed March 15, 2018).

Vavilina, E. A. and Panov, P. V. (2013), *Power-sharing kak model kompozitsii vlasti v usloviyakh ethno-confessionalnoi fragmentatsii* [Power-sharing as the model of composition of power in the context of ethno-confession fragmentation] [Online], available at: <http://www.polit.psu.ru/site.files/Power-sharing.pdf> (Accessed March 15, 2018).

Lijphart, A. (1997), *Demokratiya v mnogostavnykh obschestvakh: sravnitelnoe issledovanie* [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration], Translated by Makarenko, B. I., Aspect Press, Moscow, Russia.

Panov, P. V. (2014), “The politization of ethnic identity in the modern world: problems and institutional solutions”, *Vestnik of Permskogo nauchnogo tsentra UrO RAN*, no. 5, pp. 48–54.

Brancati, D. (2008), “The Origins and Strength of Regional Parties”, *British Journal of Political Science*, vol. 38, no. 1, pp. 135–159, doi: 10.1017/S0007123408000070.

Park, A., Curtice, J., Thomson, K., Jarvis, L. and Bromley, C. (ed.) (2001), *British Social Attitudes: The 18th Report: Public Policy, Social Ties*, Sage, London, UK, doi: <http://dx.doi.org/10.4135/9781849208642>.

Burch, M., Gomez, R., Hogwood, P. and Scott, A. (2005), "Devolution, Change and European Union Policy-Making in the UK", *Regional Studies*, vol. 39, no. 4, pp. 465–475, doi: <https://doi.org/10.1080/00343400500128515>.

Clements, B. (2011), "Understanding "Utilitarian" Support for European Integration in Scotland and Wales: the Role of Economic Interests, National Identity and Party Support", *Regional and Federal Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 1–21, doi: <https://doi.org/10.1080/13597566.2010.505042>.

Dardanelli, P. (2003), "Ideology and Rationality: The Europeanization of the Scottish National Party", *8th EUSA International Conference*, Nashville, Tennessee, USA. March 27–29, 2003 [Online], available at: <http://aei.pitt.edu/529/> (Accessed March 25, 2018).

Dardanelli, P. and Mitchell, J. (2014), "An Independent Scotland? The Scottish National Party's Bid for Independence and its Prospects", *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, vol. 49, no. 3, pp. 88–105, doi: <https://doi.org/10.1080/03932729.2014.935996>.

Elias, A. (2008), *Minority Nationalist Parties and European Integration: A Comparative Study*, Routledge, London, UK.

Hepburn, E. (2006), "Scottish Autonomy and European Integration: The Response of Scotland's Political Parties", in McGarry, J. and Keating, M. (ed.), *European Integration and the Nationalities Question*, Routledge, London, UK, pp. 225–238.

Hepburn, E. (2008), "The Rise and Fall of a Europe of the Regions", *Regional and Federal Studies*, vol. 18, no. 5, pp. 537–555, doi: [10.1080/13597560802351572](https://doi.org/10.1080/13597560802351572).

Jeffery, C. (2000), "Sub-National Mobilization and European Integration: Does it Make Any Difference?", *Journal of Common Market Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 1–23, doi: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00206>.

Keating, M. and Waters, N. (1985), "Scotland in the European Community", in Keating, M. and Jones, B. (ed.), *Regions in the European Community*, Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 60–88.

Lynch, P. (2009), "From Social Democracy back to No Ideology? The Scottish National Party and Ideological Change in a Multi-level Electoral Setting", *Regional and Federal Studies*, vol. 19, no. 4–5, pp. 619–637, doi: <https://doi.org/10.1080/13597560903310402>.

Lynch, P. (1996), *Minority Nationalism and European Integration*, University of Wales Press, Cardiff, UK.

McGarvey, N. (2008), "Devolution in Scotland: Change and Continuity", in Bradbury, J. and Mawson, J. (ed.), *Devolution, Regionalism and Regional Development: The UK Experience*, Routledge, London, UK, pp. 25–44.

Mulle, E. D. (2016), "New Trends in Justifications for National Self-Determination: Evidence from Scotland and Flanders", *Ethnopolitics*, vol. 15, no. 2, pp. 211–229, doi: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1008786>.

Mycok, A. (2012), "SNP, Identity and Citizenship: Re-imagining State and Nation", *National Identities*, vol. 14, no. 1, pp. 53–69, doi: [10.1080/14608944.2012.657078](https://doi.org/10.1080/14608944.2012.657078).

Oliver, T. (2015), "Europe's British Question: The UK-EU Relationship in a Changing Europe and Multipolar World", *Global Society*, vol. 29, no. 3, pp. 409–426, doi: 10.1080/13600826.2015.1044425.

Tatham, M. (2007), "Scotland and the European Union: Has Devolution Changed Anything? Scottish EU Interest Representation – A Case Study", in Leydier, G. (ed.), *Scotland and Europe, Scotland in Europe*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle, UK, pp. 214–229.

Wright, A. (1998), "Scotland and the EU: A Case of Subsidiarity or Dependency?", Unpublished Ph.D. Thesis, University of Dundee, Dundee, UK.

Received April 28, 2018